

Михаил Федосюк

"Трудолюбив, как немец, и
легкомыслен, как поляк" :
концепты русского обыденного
сознания : "немцы" и "поляки" по
данным "Национального корпуса
русского языка"

Studia Rossica Posnaniensia 35, 35-46

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

„ТРУДОЛЮБИВ, КАК НЕМЕЦ, И ЛЕГКОМЫСЛЕН, КАК ПОЛЯК”
(КОНЦЕПТЫ РУССКОГО ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ
„НЕМЦЫ” И „ПОЛЯКИ” ПО ДАННЫМ
НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

“AS INDUSTRIOUS AS A GERMAN AND AS LIGHT-MINDED AS A POLE”
(CONCEPTS OF RUSSIAN COMMON CONSCIOUSNESS
“GERMANS” AND “POLES” ACCORDING TO *RUSSIAN NATIONAL CORPUS*)

МИХАИЛ ФЕДОСЮК

ABSTRACT. The object of the paper is a comparison of two concepts of Russian common consciousness: “Germans” and “Poles”. To this effect the combinative power of Russian words *German* and *Pole* according to electronic *Russian National Corpus* (<http://www.ruscorpora.ru/>) was analyzed. The use of these words in such constructions as “As + qualitative adjective + as a German/Pole” (*as careful as a German; as courteous as a Pole*, etc.); “German/Pole + adjectival noun” (*a German pedantry; a Polish sweetness*, etc.); “Qualitative adjective + Germans/Poles” (*punctual Germans; coquettish Polish women*, etc.) demonstrates ethno cultural stereotypes, typical for Russian ordinary consciousness. These stereotypes should be taken into account in the process of intercultural communication.

Михаил Федосюк, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва – Россия.

Национально-географические концепты, т.е. стихийно сложившиеся в обыденном сознании людей представления о тех или иных странах или национальностях, занимают особое место среди единиц общественного сознания любого народа. Дело в том, что если с содержанием таких концептов, как „вода”, „дорога” или „красота”, носители каждого из языков знакомы благодаря не только языку, но и своему жизненному опыту, то информацию о том, что представляют собой другие государства или нации, многие люди по вполне понятным причинам могут черпать исключительно из текстов. При этом тексты обычно отражают не только объективную, но и субъективную информацию и в том числе те этнокультурные стереотипы, которые сложились под влиянием целого комплекса культурных и исторических причин и которые способны существенно затруднять общение между представителями разных народов.

Прежде чем продолжить наши рассуждения, необходимо сделать важную оговорку о том, как, по нашему мнению, соотносятся понятия „концепты” и „этнокультурные стереотипы”. Очевидно, что отрицательно-оценочное обозначение „этнокультурные стереотипы” традиционно применяется по отношению к той разновидности концептов, которая имеет социальный характер (помимо национально-географических концептов в их число входят обобщенные представления о различных социальных группах, таких, например, как *новые русские, молодежь* или *женщины*) и потому может иметь в своем содержании спорные или предвзятые оценки¹.

Большинство выполненных к настоящему времени исследований национально-географических концептов русского обыденного сознания направлены преимущественно на образы государств, а не наций². В результате этого вне сферы внимания исследователей, к сожалению, нередко остаются стереотипные представления о чертах характера того или иного народа. При этом даже те немногочисленные работы, которые специально ориентированы на образы не стран, а национальностей, в целом ряде случаев выполнены на материале исключительно газетно-журнальных текстов и потому отражают не обыденные, а, скорее, официальные оценки, которые к тому же, как правило, имеют преходящий характер, поскольку в значительной степени обусловлены политическими событиями того времени, когда данные тексты были созданы³.

¹ Ср. В.З. Демьянков, *Стереотип*, [в:] Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина, *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва 1996; С.Г. Тер-Минасова, *Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации*, Москва 2007.

² О.Ф. Гришина, *Актуализация концепта „Америка” в современном русском языке (на материале публицистических текстов)*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук, Кемерово 2004; Е.Е. Коптякова, *Германия в национальных стереотипах русских и американцев*, „Политическая лингвистика”, Екатеринбург 2008, вып. 1(24); Н.А. Крайникова, *Концептуализация современной России в метафорах американских СМИ*, „Политическая лингвистика”, Екатеринбург 2008, вып. 1(24); О.Ф. Куданкина, *Актуализация концепта „Германия” в российской публицистике*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук, Архангельск 2005; О.Г. Орлова, *Россия*, [в:] *Антология концептов*, под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина, Москва 2007; М.В. Пименова, *Концепт „Украина” (на материале российских СМИ)*, „Политическая лингвистика”, Екатеринбург 2007, вып. 2(22); О.Н. Соркина, *Языковая реализация образа Китая как информационной модели в средствах массовой информации США*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук, Владивосток 2007; О.А. Урсова, *Америка*, [в:] *Антология концептов*, под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина, Москва 2007; А.П. Чудинов, *Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*, Екатеринбург 2001; Шисья, *Концепт „Китай” в русском обыденном языковом сознании*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук, Москва 2008.

³ Ю.С. Костылев, *Образ поляка в официальных советских текстах*, „Известия УрГПУ. Лингвистика”, Екатеринбург 2006, вып. 19; его же, *Образ японца в советской массовой печати*, „Политическая лингвистика”, Екатеринбург 2007, вып. 1(21);

В числе наиболее важных исключений из только что отмеченной закономерности хотелось бы упомянуть работы И.М. Кобозевщ⁴, В.А. Плуногяна и Е.В. Рахилиной⁵.

В исследовании И.М. Кобозевой для выявления обыденных представлений русских людей об особенностях национального характера немцев, англичан, французов и русских был использован ассоциативный эксперимент. Он состоял в том, что информантам было предложено, во-первых, дать собственную содержательную интерпретацию высказываний типа „(Название национальности) *есть* (название национальности)” (пример одного из полученных ответов – „Высказывание *Немец есть немец* я понимаю как ‘Немец всегда педантичен’”), а во-вторых, продолжить высказывания типа *Он по-английски...* (один из ответов – *немногословен*); *Как истинный француз, он...* (пример ответа – *легкомыслен*); *Он русский, но он...* (один из полученных ответов – *не любит вытпть*, из которого вытекает стереотипное представление о том, что большинству русских свойственна любовь к выпивке).

В свою очередь, работа В.А. Плуногяна и Е.В. Рахилиной заключалась в анализе словосочетаний, которые состоят из существительных, обозначающих человеческие качества, и прилагательных со значением национальной или географической принадлежности (напр., *французский, европейский, южный*). Авторы стремились выявить так называемые „лингвистически отмеченные” словосочетания, т.е. единицы, обозначающие либо стандартную (лексико-графически закрепленную) модификацию некоторого качества, либо максимальную степень его проявления. Примерами обнаруженных В.А. Плуногяном и Е.В. Рахилиной лингвистически отмеченных словосочетаний могут служить сочетания (*типично*) *немецкая аккуратность* или (*чисто*) *французская галантность*, в то время как непривычные и не вполне понятные по смыслу словосочетания *чисто русская аккуратность* или, например, *европейская нежность* лингвистически отмеченными не являются. Понятно, что выявленные в ходе исследования лингвистически отмеченные словосочетания несут важную информацию о русских этнокультурных стереотипах.

К сожалению, в своей весьма содержательной, однако очень небольшой по объему статье В.А. Плуногян и Е.В. Рахилина никак не охарактеризовали источники и объем проанализированного ими языкового материала. В результате некоторые из сделанных ими утверждений вызывают вопросы. Так, в работе, в частности, говорится: „Лингвистически релевантными являются назва-

---

Е.А. П и м е н о в, *Концепт „украинец” в российских СМИ*, „Политическая лингвистика”, Екатеринбург 2007, вып. 2(22).

⁴ И.М. К о б о з е в а, *Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов*, „Вестник Московского университета”, сер. 9: „Филология” 1995, № 3.

⁵ В.А. П л у н г я н, Е.В. Р а х и л и н а, „С чисто русской аккуратностью...” (*К вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке*), „Московский лингвистический журнал” 1996, № 2.

ния далеко не всех народов, окружающих русских: лингвистически отмеченные сочетания возможны прежде всего со словами *русский, французский, немецкий*, а также *восточный и южный* [...]. Обращает внимание также неоднородность этого списка: в Европе по понятным причинам выделяются французы и немцы (в меньшей степени отмечены испанцы и англичане), но полностью отсутствуют, например, итальянцы, греки или голландцы (напомним, что последние, например, занимают значительное место в языковом сознании носителей английского языка). С другой стороны, никак не дифференцирован славянский мир (если оставить в стороне единственный, и то несколько сомнительный, пример *чисто польский гонор*) [...]"⁶.

Это утверждение вызывает два вопроса. Более общий из них состоит в следующем: можно ли, по мнению авторов, говорить об этнокультурных стереотипах, закрепленных за теми национальностями, названия которых не выступают в лингвистически отмеченных словосочетаниях? Иными словами, имеются ли в русском обыденном сознании какие-либо стереотипные представления, например, об упомянутых в только что приведенной цитате итальянцах, греках, голландцах или поляках и, если да, то какими способами эти стереотипы можно выявить?

Что же касается более конкретного вопроса, то это вопрос о том, в каких источниках и сколько раз исследователям встретилось помеченное вопросительным знаком словосочетание *чисто польский гонор* и на основании каких соображений его отмеченность может быть признана очевидной или, наоборот, сомнительной.

Пытаясь найти ответы на заданные вопросы, напомним, что одним из эффективных способов определения содержания концепта является анализ сочетаемости обозначающего его слова. Отметим также и то, что в настоящее время для русского языка подобный анализ может быть легко выполнен при помощи размещенной в сети Интернет информационно-справочной системы *Национальный корпус русского языка*, которая на текущий момент содержит более 50 тыс. текстов общим объемом приблизительно в 150 млн. словоупотреблений, а также инструментов, предназначенных для поиска в этом массиве различных лексем, словоформ и синтаксических конструкций с учетом их морфологических и семантических признаков⁷.

Именно с помощью *Национального корпуса русского языка* и было выполнено наше исследование. Его цель состояла в том, чтобы определить содержание двух концептов русского обыденного сознания, связанных с ближайшими соседями русских. Речь идет о концептах „немцы” и „поляки”. Заметим, что если первый из упомянутых концептов уже получил освещение в работах

⁶ Там же, с. 342.

⁷ См. *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы*, Москва 2005, <http://www.ruscorpora.ru/>

И.М. Кобозевой⁸, Е.Е. Коптяковой⁹, О.А. Куданкиной¹⁰, В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной¹¹, то второй концепт, насколько нам известно, был подвергнут изучению только в статье Ю.С. Костылева¹², которая ориентирована на факты скорее истории российско-польских отношений, чем языка.

Для того чтобы определить содержание рассматриваемых концептов, нами было проанализировано употребление слов, связанных с немцами и поляками, в следующих контекстах:

(1) „Оценочное прилагательное + как немец / немка / поляк / полька / полячка”, напр.: *В исторических и других изысканиях своих был он упорно трудолюбив, как немец, а в заключениях, кои выводил он из своих открытий, легкомыслен, как поляк* (Ф.Ф. Вигель, *Записки*, 1850–1860);

(2) „Немецкий / польский + отадьективное существительное”, напр.: [...] *При всей немецкой рассудительности моего отца он тоже был способен на самые неожиданные решения, о чём свидетельствует его собственная женьитьба* (А. Рыбаков, *Тяжелый песок*, 1975–1977);

(3) „Оценочное прилагательное + немцы / немки / поляки / польки / полячки”. В ходе последующей обработки полученных по данному критерию примеров рассматривались только те из них, в которых прилагательные были употреблены в описательно-распространительной, а не в ограничительной функции, т.е. служили для передачи дополнительной информации об обозначаемом предмете, а не для выделения данного предмета из множества подобных¹³. Примером интересующего нас употребления прилагательного в описательно-распространительной функции может служить текст *Страждущим безбилетникам, которых пускали „на свободные места”, доброжелательные и аккуратные немцы стелили на пол коврики, и все рассаживались прямо под носом у артистов (Между подвалом и лифтом – в коробке, „Театральная жизнь” 2003.11.24)*, где информация о том, что немцы стелили для безбилетников коврики, сопровождается дополнительным сообщением о том, что немцы доброжелательны и аккуратны. Напротив, в примере *Ровно и тихо выложил он, как претит ему бесцеремонность, с какой американцы торопятся захватить башковитых немцев, как грабят они интеллект этого и без того изуродованного народа* (Д. Гранин, *Зубр*, 1987) прилагательное *башковитые* употреблено в ограничительной функции, поскольку информирует о том, что американцы торопились „захватить” не всех немцев, а только тех из них, которые были „башковитыми”.

⁸ И.М. Кобозева, *Немец, англичанин, француз...*, указ. соч.

⁹ Е.Е. Коптякова, *Германия в национальных...*, указ. соч.

¹⁰ О.Ф. Куданкина, *Актуализация концепта „Германия”...*, указ. соч.

¹¹ В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, *„С чисто русской”...*, указ. соч.

¹² Ю.С. Костылев, *Образ поляка...*, указ. соч.

¹³ См. И.Н. Кручинина, *Определение*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990.

Перейдем к изложению результатов проведенного исследования.

1. Прежде всего, оно показало, что слова, обозначающие немцев, встречаются в рассматриваемых контекстах в 6 раз чаще, чем слова, именующие поляков (198 употреблений против 33). Это обстоятельство может служить подтверждением наблюдения В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной¹⁴ о слабой дифференцированности в русском обыденном сознании славянского мира. По нашему мнению, оно дает основания утверждать, что немцы воспринимаются русскими как значительно более индивидуализированная и при этом гораздо сильнее отличающаяся от русских нация, чем поляки. Между прочим, подтверждение сказанному можно найти и в *Большом словаре русских народных сравнений*¹⁵, который содержит 6 сравнений со словом *немец* и только 2 – со словом *поляк* (впрочем, многие из них имеют диалектный или индивидуаль-но-авторский характер).

2. Очевидно, что к составу концепта русского обыденного сознания „немцы” следует прежде всего отнести те из свойств, которые встретились в найденных примерах неоднократно. Перечислим эти свойства:

– **педантизм, педантичность, пунктуальность** (30 употреблений), напр.: *Аналогии, говорят, опасны, но разработанный с немецкой педантичностью и пунктуальностью, по указанию Гитлера, план „Барбаросса”, предусматривавший уничтожение России как государства и порабощение ее народов, провалился вместе с пресловутым „блицкригом”* (Л. Ковров, *В поле – две воли: чья сильнее, „Советская Россия”* 2003.08.15); *В то же время изданный в ФРГ исторический роман Булата Окуджавы педантичные немцы сопровождали бросающимся в глаза ярким предупреждением на суперобложке: „Фривольное обращение с историей”* (И. Стрелкова, *Страсти по классике, „Наш современник”* 2004.06.15);

– **аккуратность** (28 употреблений), напр.: *Появился мой собеседник. – Что-то сильно запаздывают, – сказал он без особого сожаления и присел за столик. Я разлил шампанское. – Вот вам и немецкая аккуратность, – сказал я. – Немецкая аккуратность сильно преувеличена, – ответил он* (Ф. Искандер, *Летним днем*, 1969); *Был он [Аким Акимыч] высок, художав, слабоумен, ужасно безграмотен, чрезвычайный резонер и аккуратен, как немец* (Ф.М. Достоевский, *Записки из мертвого дома*, 1862);

– **обстоятельность, основательность, методичность** (11 употреблений), напр.: *Ева подошла к делу с немецкой обстоятельностью – причесалась, надела очки и, как я понял, начала рабочий день, хотя на часах еще значилось без десяти восемь* (В. Попов, *Будни гарема*, 1994); *Подобная стратегия никогда не была характерна для Германии, где привыкли действовать, скорее, консервативно: с традиционной немецкой основательностью и здравым*

¹⁴ В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, „С чисто русской” ..., указ. соч., с. 324.

¹⁵ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Большой словарь русских народных сравнений*, Москва 2008.

расчетом, стараясь строить на века, чтобы передавать дело из поколения в поколение (А. Малинкин, *Рейнский капитализм*, [в:] *Отечественные записки*, 2003); *Мины рвутся беспрерывно, одна за другой. С чисто немецкой методичностью обрабатывают нас* (В. Некрасов, *В окопах Сталинграда*, 1946);

– **точность, скрупулезность, тщательность** (10 употреблений), напр.: *Толя описывал просто чудеса: оперируют в любом возрасте, настоящая фабрика обновления сердец, организованная с немецкой тщательностью и точностью* (Н. Амосов, *Голоса времен*, 1999); *Разгадка простая и страшная: во время наисекретнейшей конференции в Ваннзее в начале 1942 года, где с немецкой скрупулезностью были запротоколированы все технические детали „окончательного решения еврейского вопроса – Endlösung'a [...]"*, был принят параграф, гласивший: *„После Endlösung'a учредить в Праге музей, куда свезти со всей Европы раритеты этого народа, чтобы будущие поколения учёных-этнографов с благодарностью вспоминали предусмотрительность германского командования”* (И.С. Шкловский, *Эшелон*, 1984, „Химия и жизнь” 1988–1992);

– **расчетливость, рачительность, меркантильность** (9 употреблений), напр.: *Отец Фохта – классический тип германского профессора-юриста: погружённый в науку, он совершенно пренебрегал бытом, если не считать некоторой немецкой расчетливости* (Б.Ф. Егоров, *Сын профессора и артистки*, „Звезда” 2003); *Почему бы не управлять ей [электроникой] прямо из авто? Например, загодя включить отопление (греть пустой дом рачительные немцы не любят), зажечь свет, поднять жалюзи и отпереть дверной замок, только въезжая на участок* (А. Воробьев-Обухов, *Дом, который всегда с тобой*, „За рулем” 2004.03.15); *Мы попытались немного отойти от немецкой меркантильности главных героев за счёт романтики яроновских текстов музыкальных номеров* (Г. Васильев, *Роли, которые нас выбирают*, 2002);

– **честность** (9 употреблений), напр.: *Вот вам пример: я много дней честно работал над этой книгой, а вчера у меня на пляже открытого бассейна „Rapkow” немецкая шпана, развенчавшая миф о традиционной немецкой честности, украла, ради денег, сигарет и наркотиков, штаны [...]* (Е. Попов, *Подлинная история „Зелёных музыкантов”*, 1997); *Но Максимо мифотворчество роковым образом преткнулось о скалу моей немецкой протестантской честности, губительной гордыни всё, что пишу, – подписывать* (М.И. Цветаева, *Живое о живом [Волошин]*, 1932);

– **практичность** (6 употреблений), напр.: *Зато [форстмейстер Фокель] с немецкой практичностью отметил, что обыватели хорошую выгоду с неё [карельской березы] имеют, и сам он видел проданный за большие деньги токарный станок из такой древесины* (В. Варламов, *Кудрявая койву*, „Химия и жизнь” 1985); *Мать родилась 16 сентября и, возможно, подчиняясь влиянию созвездия Девы, была практична и аккуратна, как немка* (Э. Лимонов, *У нас была Великая Эпоха*, 1987);

– **сентиментальность** (6 употреблений), напр.: *В натуре Екатерины не было ничего чрезмерного, кроме странной смеси самой грубой и все усиливающейся с годами чувственности с чисто немецкой, практической сентиментальностью* (М.А. Алданов, *Девятое термидора*, 1921);

– **экономность, прижимистость, скарედность** (6 употреблений), напр.: *Экономные немцы справедливо рассудили, что строить суперкары „за так“ нет смысла* (Н. Качурин, В. Чусов, *Цеховики*, „Автопилот“ 2002.12.150); *Ермоленко откровенно рассказывает в своих показаниях – они ныне напечатаны, – что он горько, но бесплодно жаловался на немецкую прижимистость* (Л.Д. Троцкий, *Моя жизнь*, 1929–1933); *Марта Генриховна с немецкой избрательностью и скаредностью так распределяла продукты, чтобы хватало на всю неделю* (С. Липкин, *Записки жильца*, 1962–1976);

– **деловитость, дельность** (5 употреблений), напр.: *Но гитлеровцы с их чисто немецкой практичностью, деловитостью и высоким техническим уровнем привнесли в область человекоистребления много нового, невиданного и неслыханного за многие века* (Б. Ефимов, *Десять десятилетий*, 2000); *Кабинет старого аптекаря оказался типом кабинетов аккуратных, дельных и расчетливых немцев* (А.Ф. Писемский, *Масоны*, 1880);

– **дисциплинированность, организованность, законопослушность** (5 употреблений), напр.: *Недаром канцлер Эрхард даже фатально дисциплинированных немцев вынужден был избавить от соблазнов воровства, запросив субсидии по плану Маршалла не деньгами, а техникой и сырьем* (И.Л. Андреев, *Россия: взгляд из будущего* [2003], „Вестник РАН“ 2004); *Возможно, это и есть то чудо, которого так ждет Георгий Акимович, чудо более сильное, чем немецкая организованность и танки с черными крестами* (В. Некрасов, *В окопах Сталинграда*, 1946); *„Но чем же тут гордиться?“ – спросит российский читатель, не обремененный ни познаниями в такой специфической области, ни тем более немецкой законопослушностью* (А. Малинкин, *Рейнский капитализм*, „Отечественные записки“ 2003);

– **добросовестность** (4 употребления), напр.: *В Берлине превосходный учитель теоретической физики Рлапск, несколько сухой и педантичный, с немецкой добросовестностью разработавший школьное преподавание, рассчитанное на среднего слушателя; сам он много и усиленно работает по теоретической физике* (П.Н. Лебедев, *Письма*, 1902); *Первый раз он [немецкий фельдфебель] все время бахвалился победой и повторял: „Русс капут, русс капут!“ Второй раз он явился в одном сапоге, стацил недостающий прямо с ноги хозяина и на его вопрос: „Ну что же, русс капут?“ – ответил с чисто немецкой добросовестностью: „Не, не, не! Не капут!“* (Н.С. Гумилев, *Записки кавалериста*, 1914–1915).

Кроме того, по 3 раза встретились упоминания таких качеств немцев, как **грубость, опрятность, трудолюбие**, и по 2 раза – **важность, выносливость, рассудительность, любезность, медлительность, религиозность, надоедливость и скучность**.

3. Среди свойств немцев, которые упоминаются в примерах из *Национального корпуса русского языка*, 44 признака встретились однократно. В их число входят такие свойства, как **белокурость** и **бледность** (*Посмотрите на бледных, белокурых немцев, отчего они мечтатели, отчего они держат голову на сторону, часто плачут?* [А.И. Герцен, *Кто виноват?*, 1841–1846]); **воля** и **жертвенность** (*Таинственный и дивный закон определяет рождение национального государства! Оно – живое единство, оно одно выражает то, что есть во всех миллионах людей особо ценного, бессмертного, – немецкий характер, немецкий очаг, немецкую волю, немецкую жертвенность* [В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, ч. 2, 1960]); **выдержка** (*Преподавая в женской гимназии и в институте, он постоянно жил в каком-то тайном сладострастном бреду, и только немецкая выдержка, скупость и трусость помогли ему держать в узде свою вечно возбужденную похоть* [А.И. Куприн, *Яма*, 1915]); **гостеприимство** и **добродушие** (*Мать и дочь Лейкины очутились во враждебном окружении. В Берлине стало опасно. Гостиница „Одесса”, в которой традиционно останавливались русские, была разгромлена местными хулиганами. Она не узнавала гостеприимных добродушных немцев* [Б. Езерская, *Прекрасная привычка – жить. Раздумья после одного юбилея*, „Вестник США” 2003.10.01]). Несмотря на то, что упоминания и этих свойств представляют определенный интерес, очевидно, что они не дают достаточных оснований для каких-либо выводов о русских этнокультурных стереотипах. Большое число подобных единичных упоминаний, очевидно, является лишь свидетельством того, что, как уже было сказано, русские воспринимают немцев в качестве сильно индивидуализированной и заметно отличающейся от русских нации.

4. Не имея возможности подробно сопоставлять полученные нами результаты с результатами, изложенными в работах И.М. Кобозевой¹⁶, Е.Е. Коптяковой¹⁷, О.А. Куданкиной¹⁸, В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной¹⁹, отметим лишь главное. По наблюдениям И.М. Кобозевой, „в русской языковой картине мира определяющей чертой немецкого национального характера признается стремление во всем следовать правилам”²⁰, а в выполненной на совершенно другом материале работе²¹ делается похожий вывод о том, что „«образ немца» в русском языке чрезвычайно тесно связан с идеей взвешенности, продуманности, целесообразности – своего рода психологической «золотой середины», которая, впрочем, может представляться и как ограниченность”. Использование *Национального корпуса русского языка* полностью подтверждает резуль-

¹⁶ И.М. Кобозева, *Немец, англичанин, француз...*, указ. соч.

¹⁷ Е.Е. Коптякова, *Германия в национальных...*, указ. соч.

¹⁸ Куданкина, *Актуализация концепта „Германия”...*, указ. соч.

¹⁹ В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, *„С чисто русской”...*, указ. соч.

²⁰ И.М. Кобозева, *Немец, англичанин, француз...*, указ. соч.

²¹ В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, *„С чисто русской”...*, указ. соч., с. 344.

таты, полученные нашими предшественниками, кое в чем детализируя их и подкрепляя новым материалом.

5. Наиболее часто упоминающиеся свойства поляков, которые благодаря их повторяемости, очевидно, входят в состав концепта русского обыденного сознания „поляки”, это:

– **тонкость, изящество** (5 употреблений), напр.: *Я полюбила умных, тонких и музыкальных поляков. Они гостеприимны, воспитанны, они ничего не говорили о войне при мне* (Ю. Бондарев, *Берег*, 1975); *Он отлично владел французским, весьма порядочно русским и недурно немецким языками, да при этом еще отличался польски-изящною развязностью манер и тою особенною наглостью, которая повсюду растворяла ему любые двери* (В.В. Крестовский, *Панургово стадо*, ч. 3–4, 1869);

– **легкомыслие, ветреность** (5 употреблений), напр.: *С приездом Марины Димитрием чересчур овладело польское легкомыслие* (Н.И. Костомаров, *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*. Вып. 3: XV–XVI столетия, 1862–1875); *Красавица была ветрена, как полячка, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство* (Н.В. Гоголь, *Миргород*, 1835–1841);

– **галантность, любезность, ласковость** (4 употребления), напр.: *А измены случались, и часто, потому что, несмотря на невысокий рост и лысеющую голову, он нравился женщинам, они откликались на его ласковость и лёгкость, на эту непривычную в России польскую галантность, с которой он, например, подносил к задрожавшим губам женскую руку или подавал пальто осторожным и настойчивым движением* (И. Мурavyева, *Мещанин во дворянстве*, 1994); *Я кому-то сказал, что буду переводить не „Марию Стюарт”, а польскую любезность* (З. Масленикова, *Разговоры с Пастернаком*, 2001); *Вот мы приехали знакомиться, – с польскою ласковостью заговорил Стабровский, наблюдая дочь* (Д.Н. Мамин-Сибиряк, *Хлеб*, 1895);

– **хитрость, лукавство, коварство** (3 употребления), напр.: *Именно в ритме твиста хитрые поляки выбросили свой шедевр о носящейся витками в космосе русской космонавтке* (Э. Лимонов, *Книга воды*, 2002); *Оказалось, лукавые поляки, пользуясь праздничной беспечностью соседей, передвинули стулья, отделяющие их зону от добровольческой, и захватили таким образом дополнительный кусок территории* [И. Ратушинская, *Одесситы*, 1998]; *Западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в этот страшный час только на милосердие божие уповаем!* (М.А. Булгаков, *Бег*, 1937);

– **дерзость** (2 употребления), напр.: *Булгарин побаивался его [фон Фока], помня за собой многие грешки, впрочем неважные и происходившие от польской дерзости, смешанной с трусостью* (Н.И. Греч, *Записки о моей жизни*, 1849–1856).

6. В некоторых контекстах отдельно упоминаются качества, присущие не всем полякам, а только польским женщинам, а именно:

– **кокетливость** (2 употребления): – *Это одна поляка, прелестнейшее и чудное существо; но, как все поляки, существо кокетливое [...]* (А.Ф. Писемский, *Масоны*, 1880); *Со врожденным польским легкомыслием и кокетством желала она [графиня Воронцова] нравиться, и никто лучше ее в том не успевал* (Ф.Ф. Вигель, *Записки*, 1850–1860);

– **ласковость** (2 употребления): *Хозяин был шляхтич, а управляла всем жена его, женщина проворная и ласковая, как почти все поляки* (Ф.В. Булгарин, *Воспоминания*, 1846–1849); *Как мила Польша по многому! веселье, гостеприимные поляки! прекрасные и ласковые поляки!* (Н.А. Дурова, *Кавалерист-девица*, 1835).

7. Среди качеств поляков всего по одному разу встретились упоминания 10 свойств. В число этих свойств входят в частности: **веселость и гостеприимство** (*Как мила Польша по многому! веселье, гостеприимные поляки! прекрасные и ласковые поляки!* [Н.А. Дурова, *Кавалерист-девица*, 1835]); **храбрость и благородство** (*Нет, Алексей: я уважаю храбрых и благородных поляков* [М.Н. Загоскин, *Юрий Милославский, или русские в 1612 году*, 1829]); **культурность** (*В нем было столько какой-то неудовлетворенной жажды деятельности, особенной теплоты и еще более особенной польской культурности* [Д.Н. Мамин-Сибиряк, *Хлеб*, 1895]); **ум и музыкальность** (*Я любила умных, тонких и музыкальных поляков* [Ю. Бондарев, *Берег*, 1975]); **безрассудный пыл** (*Свентославский, чистейший и добрейший человек, фанатик, сохранивший за пятьдесят лет безрассудный польский пыл и запальчивость мальчика пятнадцати лет, проповедовал о необходимости возвращаться в Россию и начать там живую и печатную пропаганду* [А.И. Герцен, *Былое и думы*. Ч. 5: *Париж–Италия–Париж*, 1862–1866]) и др.

Единичность подобных упоминаний не дает достаточных оснований считать, что перечисленные качества входят в состав концепта русского обыденного сознания „поляки”. Более того, бросается в глаза преходящий характер многих встретившихся оценок, которые были обусловлены определенными историческими конфликтами поляков не с русским народом, а с российским, а позднее с советским государством, напр.: *Венский конгресс показал, что о народах и правах их никто не заботится. Один Александр ратовал, назло всем и во вред себе, за безмозглых поляков* (Н.И. Греч, *Записки о моей жизни*, 1849–1856); *Он [М.И. Комбурлей] жил прекрасно, поступал и действовал вообще, как прилично было в тогдашних обстоятельствах, когда во вверенной ему губернии был театр войны. Все подати и повинности взимаемы были, как следует, и буйных поляков умел держать в порядке* (Е.Ф. Комаровский, *Записки графа Е.Ф. Комаровского*, 1830–1835); *Позже, во время самого фестиваля, нам пришлось столкнуться с более рафинированными и завуалированными формами польского высокомерия по отношению к русским со стороны более аристократической части польского общества и это, честно сказать, были не самые приятные моменты нашего первого пребывания за границей. Но стоило нам войти в обычный человеческий контакт*

с кем-либо из организаторов фестиваля или с польскими музыкантами, как отношение сразу же менялось. Нас уже не воспринимали как представителей Советского Союза и общались просто как с джазменами (А. Козлов, *Козел на саксе*, 1998).

8. Все сказанное дает основания для следующего вывода: хотя поляки и воспринимаются русскими как нация, гораздо меньше отличающаяся от самих русских, чем немцы, анализ сочетаемости слов все же позволяет определить, какое содержание имеет концепт „поляки” в русском обыденном сознании. По нашим наблюдениям, доминирующими признаками этого концепта являются: с одной стороны, подчеркнута утонченная культура поведения, которую русские положительно оценивают как **тонкость**, **изящество** и **галантность** (у женщин – еще и **кокетливость**), а с другой стороны, высокая независимость поведения, которой русские обычно дают отрицательную оценку в одних случаях как **легкомыслию**, в других – как **хитрости**, а в третьих – как **дерзости**.

Представляется, что данный вывод существенным образом дополняет довольно прямолинейное утверждение польского словаря²², в котором сказано: „[...] W świadomości rosyjskiej [...] utrwalił się obraz Polaka-buntownika i zdrajcy, z ruchą odrzucającego protektorat Rosji”. Проведенный нами анализ текстов показывает, что восприятие русскими поляков далеко не так однозначно и не настолько политизировано, как об этом сказано в словаре, и это обстоятельство очень важно учитывать в процессе межкультурной коммуникации.

---

²² *Mentalność rosyjska: słownik*, red. A. Lazari, Katowice 1995, с. 62.